

Н.И. Тангаева

**М.Н. МАКАРОВ ОБ ИСТОРИИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ
(по журнальным публикациям 1830–1833 годов)**

Статья посвящена изысканиям рязанского беллетриста и этнографа М.Н. Макарова (1785–1847) в области русской фольклористики. Исследовательская деятельность Макарова приходится на первую треть XIX века, когда происходит рост национального самосознания в России, возрастает интерес к истории и фольклору, в котором обнаруживается проявление истинного народного духа. Одним из первых он начал собирать и записывать произведения устного народного творчества, пытался классифицировать их и комментировать. В 1830–1833 годах в журналах «Московский телеграф» (1830) и «Телескоп» (1833) был опубликован ряд статей М.Н. Макарова, посвященных истории русской народной сказки. Восприняв методологию догриммовских мифологов, русский фольклорист обращается к сравнительному изучению русской сказки и выходит к истокам славянских сюжетов в индийском фольклоре. Из сравнительного этимологического анализа славянской и санскритской лексики фольклорных текстов выводит периодику развития славянской сказки. На различных стадиях исторического развития русской сказки выявляются азиатское и европейское влияния. М.Н. Макаров склонен видеть в развитии сказочного повествования отражение истории и духа народа. Следуя традициям львовско-державинского кружка, он придавал значение поэтическому наследию русского народа для литературного творчества, включал его в общелитературный европейский контекст, своими изысканиями способствовал оформлению фольклористической текстологии в России. Рассмотрение его исследований в области истории русской народной сказки позволяет представить начала отечественной фольклористики в литературном движении пушкинского времени.

догриммовские мифологи, львовско-державинский кружок, М.Н. Макаров, «Московский телеграф», народная сказка, национальное самосознание, пушкинское время, русская фольклористика, сравнительный метод, «Телескоп».

В статье «Литературный кризис» 1863 года первая треть XIX века справедливо названа М.А. Антоновичем золотым веком русской литературы. Время было чрезвычайно богато одаренными авторами и направленностью творческих исканий. Правление либерально настроенного Александра I, способствовавшего сближению России с Западом, и события войны 1812 года послужили росту патриотизма и укрепили интерес к отечественной истории, который зародился уже в середине XVIII века. Война с Наполеоном, «открывшая» самоотверженный русский характер, заставила переосмыслить отношение к простому человеку; в поисках истоков народного духа писатели и поэты все активнее стали проявлять интерес к фольклору. Запечатленное в устном творчестве чувство народности признается необходимым критерием истинного искусства, и фольклор оказывается для писателей, ищущих новые мотивы творчества и жанровые формы, живительным источником.

Национальная идея увлекает литераторов, заставляет размышлять о судьбах страны и народа. Среди них появляется, как об этом пишет А.И. Разживин, единое стремление создать национально-самобытную литературу¹. С 1820-х годов число сторонников идеи формирования оригинальной словесности и изучения народного творчества возрастает. В 1823 году в «Соревнователе» публикуется эстетический трактат О.М. Сомова «О романтической поэзии», в котором писатель, говоря о «воинских и гражданских добродетелях» русского народа, утверждает необходимость «иметь свою народную поэзию, неподражательную и не зависимую от преданий чуждых»². Это утверждение автор реализовывал на практике, включая в свои произведения образы

¹ Разживин А.И. Философия и эстетика предромантизма // Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика. Рязань : Изд-во Ряз. гос. ун-та имени С.А. Есенина, 2012. С. 59.

² Сомов О.М. О романтической поэзии // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М. : Искусство, 1974. Т. 2. С. 562.

и мотивы славянской мифологии (повести «Русалки», «Оборотень», «Купалов вечер», «Киевские ведьмы» и др.). Исследователь прозы О.М. Сомова, О.И. Тиманова, отмечает, что сказочно-фантастические произведения писателя были не просто следствием литературной моды, а значительным вкладом в разработку самобытной литературы, «проявляющей себя как искусство, художественно выстроенное, имеющее свой лад и свою меру»³. «Откреститься» от «сокровищ иноплеменников», ценить прошлое страны и поэтическое творчество народа призывал и В.К. Кюхельбекер, чьим возвышенно-романтическим желанием было видеть Россию величайшим государством мира. Поэт понимал, что в отечественной истории сокрыт щедрый материал для литературного творчества: «Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные – лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности»⁴. Он стремился сделать фольклор фундаментом художественного творчества⁵.

Бесспорно, что в высшей степени чувство народности воплотилось в творчестве А.С. Пушкина. Увлечение историей он испытывал с лицейской поры, а с фольклором познакомился в раннем детстве благодаря любимой няне, Арине Родионовне. В 1820–1830-е годы это увлечение запечатлелось и в поэтических, и в прозаических произведениях Пушкина, среди которых – «Борис Годунов», «Арап Петра Великого», «Полтава», «Капитанская дочка» и, конечно, сказки. В зрелые годы, несмотря на неприятие государственной политики, поэт оставался верен России, в чем признавался П.Я. Чаадаеву: «...ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»⁶. Примечательно, что в литературной деятельности Пушкина историзм и фольклоризм неразрывно связаны. М.К. Азадовский писал, что народное творчество привлекало поэта «не своей археологической стороной, но стороной действенной, своей живой связью с народом, с современностью»⁷. Б.С. Мейлах заметил, что поэт оказался «не подражателем устной народной поэзии, а творцом новых образов на основе глубокого усвоения приемов фольклорной типизации, духа народной поэзии»⁸. Пушкин осознавал, что именно народное творчество органично национальному самосознанию и включение его в литературу служит обогащению подлинно народными чертами. Такое отношение к фольклору М.К. Азадовский называл реалистическим.

В отличие от А.С. Пушкина, который искусно и гармонично сочетал исторические факты с художественным вымыслом (как в «Капитанской дочке»), Н.В. Гоголь отдавал явное предпочтение народным текстам, которые, в его понимании, единственно способны передать истинный дух нации. Прекрасный знаток украинского фольклора, писатель мастерски выстраивал свои произведения соответственно мифологическим значениям народных текстов. Именно архетипы традиционной славянской культуры, как справедливо утверждает А.Х. Гольденберг, «становятся неотъемлемой принадлежностью художественного мира Гоголя и оказывают существенное воздействие на онтологию его творчества»⁹.

Таким образом, в русском литературном творчестве 1820–1830-х годов во многих отношениях определяющим стало внимание к народному творчеству, отраженной в нем истории и выраженному духу и самосознанию нации.

Современные литературоведы указывают на становление отечественной фольклористики в литературном движении первой трети XIX века, предшествовавшее фундаментальным трудам Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, В.Ф. Миллера, А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа. Безусловно, 20–30-е годы XIX века явились бесценной базой для оформления научного фольклористического дискурса. В частности, О.В. Усенко следующим образом оценивает ранние попытки собирания, интерпретации и издания текстов фольклора: «Исследователи-любители предварили собой период возникновения настоящих исторических школ изучения древнеславянской мифологии, а также

³ Тиманова О.И. Мифологические персонажи восточнославянского фольклора и особенности их воплощения в «Малороссийских былях и небылицах» О.М. Сомова // Общество. Среда. Развитие. 2007. № 3. С. 57.

⁴ Кюхельбекер В.К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М. : Искусство, 1974. Т. 2. С. 575.

⁵ Подробнее см. : Азадовский М.К. Проблема фольклора в первой четверти XIX века // История русской фольклористики. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2014. Гл. II. С. 219.

⁶ Пушкин А.С. П.Я. Чаадаеву // Собрание сочинений : в 10 т. М. : Гос. изд-во художеств. лит., 1962. Т. 10. С. 310.

⁷ Азадовский М.К. Фольклоризм и фольклористика после 1825 года // История русской фольклористики. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2014. С. 290.

⁸ Мейлах Б.С. Проблема современного героя // Пушкин и его эпоха. М. : Гослитиздат, 1958. С. 524.

⁹ Гольденберг А.Х. Поэтика Гоголя в пространстве мифа и ритуала // Studia Slavica Savariensia. 2009. № 1–2. С. 41.

древнерусского язычества»¹⁰. Вклад М.Н. Макарова в становление русской фольклористики до настоящего времени должным образом не изучен. Настоящее исследование, обращенное к статьям фольклориста о происхождении русской народной сказки, послужит цели устранения этого пробела в современном литературоведении.

М.Н. Макаров (1785–1847) как писатель и фольклорист сформировался в допушкинское время, под влиянием собирательской и издательской деятельности русских литераторов конца XVIII – начала XIX века. Особо близки ему были идеи львовско-державинского кружка, сложившегося в 1780-х годах, члены которого, как указывает Т.В. Федосеева, «с увлечением и любовью служили собиранию и популяризации народной песни»¹¹, стремились «к глубокому теоретическому осмыслению накопленного в России фольклорного материала и определению роли народной поэзии в современной культуре»¹². М.Н. Макаров, принимая представления старших современников о народной поэзии как воплощении народного духа и национального характера, продолжает линию теоретического осмысления фольклора, органично отвечающего духу пушкинского времени.

В самом начале своей фольклористической деятельности, в 1809 году, М.Н. Макаров выпустил в свет книгу «Русское национальное песнопение», сборник народных песен с пояснениями и рассуждениями составителя. Высокая оценка сборнику была дана М.К. Азадовским, который определил его как «первый опыт комментированного издания песен, а вместе с тем первый опыт инструкции для записи и собирания» фольклорных текстов¹³. «Русское национальное песнопение» стало отправной точкой в фольклористской деятельности Макарова; именно здесь были сформулированы указания «на применение к произведениям устного народного творчества исторического подхода», а также просматривался «первый опыт представления народной песни в культурно-историческом контексте»¹⁴. Позднее исторический подход станет определяющим в фольклористической деятельности М.Н. Макарова, который позволит ему проследить диалектику реалий народной культуры.

В 1810–1820-х годах материалы археологического и исторического содержания М.Н. Макаров публиковал в журналах «Сын Отечества» (1817), «Вестник Европы» (1818–1823, 1826–1827), «Труды Общества любителей российской словесности» (1819–1822). Подлинно талант фольклориста и хранителя народной исторической и поэтической культуры проявился после 1824 года, когда писатель был зачислен на службу к московскому генерал-губернатору А.Д. Балашову чиновником по особым поручениям, а именно – по части археологии и статистики¹⁵. Часто бывая в провинции, М.Н. Макаров занимался «историческими разысканиями»: исследовал рукописи, археологические редкости, истолковывал предания, топонимы и народную лексику. Результатом этой работы явились многочисленные публикации, посвященные старинным обычаям славян, языческому и православному быту, описанию достопамятностей, областным легендам, – всему тому, что изображало богатства старины и иллюстрировало культурную самодостаточность русского государства.

Изучению народных сказок М.Н. Макаров уделил внимание в ряде статей, которые можно считать первой попыткой сравнительного изучения жанра¹⁶. Началом такого сопоставительного рассмотрения является статья «Догадки об истории русских сказок», изданная «Московским телеграфом» (1830). Не претендуя на безоговорочную правоту изложенной в ней идеи, Макаров предположил, что в русских сказочных сюжетах обнаруживаются следы влияния азиатских, скандинавских и европейских стран, а собственно славяно-русских сказок не так и много.

¹⁰ Усенко О.В. Историографический обзор изучения славянской мифологии и древнерусского язычества российскими исследователями второй половины XVIII – начала XIX в. в контексте формирования российских научных школ // Вестник Омского университета. 2016. № 1 (9). С. 112.

¹¹ Федосеева Т.В. Поэты львовско-державинского кружка о народной песне // Гавриил Державин в зеркале эпох и культур. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 59.

¹² Там же. С. 63.

¹³ Азадовский М.К. Проблема фольклора ... С. 124.

¹⁴ Федосеева Т.В. «Русское национальное песнопение» (1809) М.Н. Макарова в контексте зарождения русской фольклористики // Рязанский край в контексте русской литературы : очерки регионального литературоведения. Рязань : Изд-во Ряз. гос. ун-та имени С.А. Есенина, 2017. С. 105–106.

¹⁵ См.: Степанов В.П. Макаров Михаил Николаевич // Русские писатели 1800–1917 : биограф. слов. : в 5 т. М. : Большая российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 468–470.

¹⁶ Необходимо отметить, что в исследованиях А.Л. Топоркова начала сравнительно-исторического изучения мифологии народов возводятся к работам Ф.И. Буслаева. Между тем методологический аспект филологического изучения древних словесных памятников складывается уже в изысканиях М.Н. Макарова. Подробнее см.: Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М. : Индрик, 1997. 456 с.

Намеченную в «Догадках...» теорию древнеиндийского происхождения славянских сказочных сюжетов он развил в статьях «Пробные листки из истории русских сказок» (1833).

Заметим, что в первой трети XIX века уже существовало общепринятое понятие о жанре литературной сказки, которое зафиксировано в «Словаре древней и новой поэзии» (1821) Н.Ф. Остолопова: «Сказка есть повѣствованіе вымышленнаго происшествія» и «имѣть предметомъ дѣла обыкновенныя, весьма часто случающіеся, или могущія случаться, между людьми». В сказке, соответственно определению, действие «не должно быть истиннымъ; ибо въ ней позволено только *подражать* дѣйствительно бывшимъ происшествіямъ, и то съ перемѣною имени»¹⁷ (выделено в первоисточнике. – Н. Т.). М.Н. Макаров одним из первых обратился к исследованию фольклорного жанра, вероятно, само слово «сказка» воспринималось им в соответствии с исконной этимологией – «казать», то есть «показать, сказать, рассказать»¹⁸, и не вымысел виделся основой сказки, но само ее бытование, реалии тех времен, которые давно утеряны в прошлом. Обращение к фольклорному жанру позволяет Макарову привлечь довольно широкий материал для установления истоков народной сказки. Это духовные стихи, притчи, богатырские сказания, индийский эпос, скандинавские саги. Называя эти бытующие в народной памяти древние жанры «первобытными романами», исследователь видел в них источники для сказочных сюжетов от древнейших времен до XVIII века. Такое отношение к фольклору позволило ему составить историософскую концепцию русской сказки.

Исторический подход к фольклорным текстам, заявленный М.Н. Макаровым еще в «Русском национальном песнопении», более обстоятельно раскрывается в статьях, опубликованных в журнале Н.И. Надеждина «Телескоп». Их содержание как нельзя лучше согласовывалось с направленностью журнала на просвещение российского читателя. В журнале публиковались материалы этнографического и бытописательного характера. Оптимистическая вера в национальное возрождение России была выражена ее издателем: «Свѣжее и мощное лоно Русскаго духа ощутительно проникается жизнью, разливающеюся съ электрическою быстротою! <...> Духъ творческаго соревнованія жизни, одушевляющій нынѣ Европу, возвѣялъ и въ нашемъ Отечествѣ. Для насъ зачинается эра живой народной Словесности...»¹⁹. Сочинения Макарова, определяющие истоки русской национальной сказки, прекрасно отвечали замыслу обретения собственной неповторимой опоры для культуры и литературы.

Характеризуя «Пробные листки», публиковавшиеся в пяти частях «Телескопа», М.К. Азадовский заметил, что в них «чувствуется хорошее знакомство с современной ему [Макарову] западноевропейской научной литературой, особенно с трудами догриммовских мифологов (Крейцер, Геррес и др.)»²⁰, и это замечание небезосновательно. Публикации об исторических корнях русских народных сказок М.Н. Макарова действительно свидетельствуют о его знакомстве с трудами Ф. Крейцера и Й. Герреса.

Так, Фридрих Крейцер, немецкий филолог и археолог, в своем главном труде «Символика и мифология древних народов, в особенности греков» (первое издание – 1810–1812 годы, в настоящее время перевод на русский язык нам не доступен) высказал идею о существовании «первозданного целого», общности всех религий мира, и определил мифологию как «разложившийся монотеизм», способствовавший разрастанию численно и культурно многообразия народов²¹. По Крейцеру «необходимое, всеобщее существо» отпечталось во всем множестве культур и религий разделившихся народов²². А.В. Шалаева, изучая концепцию ученого, подчеркивает особое внимание к этимологическому анализу языка, которое позволяло усмотреть индийское происхождение греческой религии и мифологии: «Он стремится возвести имеющиеся у нас слова и понятия к самым первым и сущностно наиболее очевидным, однако уже утратившим очевидность в нашем взоре»²³.

Немецкий мыслитель Йозеф Геррес, опубликовавший книгу «История мифов азиатского мира» в том же году, что и Крейцер «Символику» (1810), придерживается схожей точки зрения на

¹⁷ Остолоповъ Н. Сказка // Словарь древней и новой поэзии. СПб. : Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1821. Ч. 3. С. 146, 148–149.

¹⁸ Подробнее см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1986. Т. 2. С. 159.

¹⁹ Надеждинъ Н.И. Современное направленіе просвѣщенія // Телескопъ. 1831. Ч. 1, № 1. С. 40, 45.

²⁰ Азадовский М.К. Проблема фольклора ... С. 125.

²¹ Шеллингъ Ф.В.Й. Историко-критическое введение в философію мифологии // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 2. С. 233–235.

²² Там же.

²³ Шалаева А.В. Полемика Ф. Крейцера о символикѣ и мифологии древних народов на рубеже XIX века (конфликтологический аспект) // Конфликтология. 2014. № 1. С. 202.

происхождение мифов. Он полагает, что изначально для человечества существовало «единое божество», которое «творит во всей вселенной, единая религия царит»²⁴. По его мнению, в дальнейшем, после разделения народов, сохранилось общее для них знание об истине, но это знание являет себя по-разному – миф повсюду один, изменяются лишь его детали.

Представление догриммовских мифологов о существовании единого источника для национальной мифологии, для всех сюжетов древних народных сказаний, было обозначено М.Н. Макаровым в «Догадках об истории русских сказок» и получило развитие в «Пробных листках из истории русских сказок». Вслед за Ф. Крейцером и Й. Герресом русский фольклорист развивает новаторскую для отечественной филологии идею о древнеиндийском происхождении славянских сказок, усматривая в них «длинные тѣни слѣдовъ всей Азіи, всѣхъ хитростей и мудростей пылкаго воображенія древняго свѣта»²⁵. Пытаясь доказать основательность данной теории, М.Н. Макаров предпринимает попытку сравнительного изучения индийских и русских сказочных элементов (за несколько десятилетий до возникновения в 1860–1870-х годах сравнительно-исторического метода А.Н. Веселовского), уделяя, подобно Крейцеру, особое внимание этимологии языка.

Свое сопоставление он начинает с этимологического анализа лексического состава русских народных сказок и древнеиндийской поэмы «Шакунтала» (“*Sacountala*”). Индийское величественное обращение Душ-Мана, похожее на «приманку душ», соотносится с русским – «всеми милый», «любезный». Наименования *Dewitssa* (*Diwitza*) и *Dewa-Doushanam*, употребляемые в поэме, тождественны русским наименованиям «Красавица» и «Душа-Красная-Девушка»²⁶. В этом направлении М.Н. Макаровым анализируются некоторые имена и функции мифических персонажей Древней Руси и Индии, в которых он обнаруживает общие черты. Соотносятся «Баба Яга» и «Шива» (отмечено сочетание в обоих добра и зла), «Дашуб (Даждьбог)» и «Дашу» (оба – сыновья творцов мира, Сварога у славян, Брахмы у индусов), русская «жикимора» и “*cumatcha, cicimatea*”²⁷ (согласно характеристике писателя «веселое, но адское божество»), «ведьма» и «богиня *Vedas*» («всеведущие существа»). Исследователь обнаруживает следы индийской этимологии топонимов, объясняя это древним переселением народов из Индии, с «берегов Ганга». Привлекая материалы «Краткого санскритского словаря», сопоставляет название русских рек Волхова с санскритским “*Wolochva*”, или “*Volokwa*” – «очарованное»; Оки – с именем «водяной нимфы, полубогини» – “*Akka*”, или “*Akwa*”; Дона – с именем “*Danu*”, “*Dona*” – «прародительница злого гения»²⁸; Волги – с корнями “*Walaga*”, “*Wollogou*” – «влага», «сырость»²⁹.

Привнесение индийских «выдумок» на Русь М.Н. Макаров относит к древнейшим временам, к их числу он приобщает сюжеты о Бабе Яге, простаках, жар-птицах и птицах райских, золотой горе, царевиче Архидеиче (Иван-царевич), Кошее (Кастии) Бессмертном³⁰. Сюда же причисляет традиционные сказочные образы и мотивы: Царь-девица (санскр. *Sara-Dewa, Diwa Ksara, Diwa Kara*), мертвая и живая вода, подсолнечное королевство, золотые молодильные яблоки, стоглавый змей, Калинов мост (санскр. *Kalif-manta* – похожее на кипарис дерево), девка-чернавка (санскр. *Dewa-Kalanemu*)³¹. В некоторых сюжетах (например, в «Сказке о золотой горе») сохраняются индийские имена: царевич Идан, или Индран (санскр. *Indra* – «царь»), Миг-Ул, или Мог-Ул. М.Н. Макаров предполагает, что по принятии христианства имя Индран преобразилось в

²⁴ Геррес Й. Мифология азиатского мира // Эстетика немецких романтиков. М. : Искусство, 1986. С. 282.

²⁵ Макаров М.Н. Листки из пробных листков для составления истории русских сказок // Телескоп. 1833. Ч. 17, № 17. С. 124.

²⁶ Там же. С. 128.

²⁷ Вероятно, имеется в виду кумбханда – разряд мелких демонов, враждебных людям. Подробнее см.: Волкова О.Ф. Кумбханда // Мифологический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 297.

²⁸ Вероятно, имеется в виду Дану – мать демонов в древнеиндийской мифологии. См.: Топоров В.Н. Дану // Мифологический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 174.

²⁹ Макаров М.Н. Еще листки из пробных листков для составления истории русских сказок // Телескоп. 1833. Ч. 17, № 19. С. 391.

³⁰ Так, *Kastis* (санскр.), по утверждению М.Н. Макарова, принадлежал к первенствующим жрецам, был необычайно сластолюбив, богат и скуп. Смерть жрецов оставалась тайной, потому их называли бессмертными. См.: Макаров М.Н. Еще листки из пробных листков ... С. 393.

³¹ М.Н. Макаров также предполагает, что военачальница амазонок повторяла древнейший образ Царь-девицы. При этом амазонки могли произойти от жен славяно-норманнов. Будучи изгнанными за измену мужьям, женщины составили «баснословное племя», захватили многие земли и держали в страхе славян, греков и римлян. См.: Макаров М.Н. Листки из пробных листков для составления истории русских сказок // Телескоп. 1833. Ч. 18, № 21. С. 116.

Ивана, а Мог-Улами в сказках стали называть монголов³². Описания роскошных дворцов, медовых

и молочных рек, узорчатых царских шатров, садов, богатых золотыми плодами, также восходят к древнеиндийским источникам, с чем трудно не согласиться. Одной из важнейших особенностей русских сказок, роднящих их с «подсолнечными государствами» и отличающих от европейских, Макаров называет целомудрие героев – сюжеты испытаний чаще всего завершаются свадьбой, однако «о дѣтяхъ древнихъ Ивановъ Царевичей также ни гдѣ и ни кѣмъ не повѣствуется»³³.

Кроме азиатского влияния, отмеченного до 862 года, русские сказки, по наблюдениям М.Н. Макарова, со времен легендарного Гостомысла и Рюрика испытали воздействия северных племен – норманнов. Норманны, как утверждает фольклорист, подкрепляя мнение идеями российского и немецкого историка Иоганна Эверса, раньше принадлежали к южным племенам, но были вытеснены к холодным землям. Суровый климат преобразил некогда слабый народ, и постепенно «уроженцы страны льдов» поработили почти весь свет, распространяясь по территории от Кавказских гор до границ Италии. Первые северные сказки, замечает Макаров, проникали в Великий Новгород, Изборск, на Ладогу, и хотя в тех сказках, подобно южным, были свои выдумки и песни, они отличались иным характером – были холодными и «жестоко варварскими». В них нет очарования восточных описаний: «ихъ лѣса дремучи, безконечны; ихъ горы – обнаженныя скалы <...> Всѣ поля людей желѣзныхъ вѣчно скованы льдами, въ самое жаркое лѣто, которое почитается тамъ рѣдкимъ»³⁴. Северное влияние усматривается в повести «Витязь Яруслан Лазаревич», в которой окончание имени Яруслан – Lan (Land), как предполагает М.Н. Макаров, близко «к чему-то нормандскому». Это предположение было высказано в статье «Догадки об истории русских сказок» и основывается на замечании З. Ходаковского, который искал в окончании «лань» следы исландского влияния, заявляя: «Нашъ Ерусланъ *Руслановець* <...> безжалостно перепорченный Азіятцами!»³⁵ (выделено в первоисточнике. – Н. Т.).

Временной промежуток с 862 до 1056 года (до рождения Нестора), когда активно взаимодействуют между собой Киев и Новгород, М.Н. Макаров называет периодом первого смешения южных и северных сказок. Только перед самым рождением Нестора, по его суждению, появляются собственно русские предания – «самобытные русские рапсолисты» вспоминают о деяниях князей Владимира, Ярослава Мудрого, «о Муромцахъ, Поповичахъ, Пленковичахъ, мужикахъ Заольшанцахъ, Князьяхъ Богуславцахъ и проч.»³⁶. К подлинно русским сказкам М.Н. Макаров относит духовные стихи, причисляя к ним не только библейские притчи (о богаче и Лазаре, о святом Алексие, человеке Божиим), но и сказания о богатырских подвигах. Исследователь отмечает неопределенность времени в «былых повестях»: «*Было* пиrowанье великій пиръ, / *Было* столованье великій столъ и проч.»³⁷ (выделено в первоисточнике. – Н. Т.).

Очередное влияние, соответственно наблюдениям М.Н. Макарова, отечественные сказки испытали после 1224 года, когда монголо-татары начали активное вторжение на Русь. Однако воздействие новых азиатских сюжетов не столь очевидно, поскольку честь и слава татарских героев не могли быть восприняты угнетенными славянами. Гораздо легче на русской земле прижились те повествования, которые появились уже после падения ига («Борг Королевич», «Устинья Боярышня», «Баламир, царь Гуннов», «Тарбелс», «Лювара»). Вспоминая тяжелые времена монголо-татарского нашествия, М.Н. Макаров стремится сохранять объективность и не отстраняется вовсе от его влияния на культуру славян. Он показывает взаимосвязь татарских и русских сказок – «въ ихъ [татарскихъ] остальныхъ древнихъ сказкахъ и пѣсняхъ есть еще важная польза для пополненій многихъ промежутковъ въ Русской родимой Исторіи»³⁸. Исследуя происхождение сказочных сюжетов, писатель замечает, что на их основе часто появляются подражательные тексты (например, «О сыне Яруслана Лазаревича», «О внуке королевича Бовы»,

³² Кроме индийского происхождения, М.Н. Макаров допускает связь со скандинавским Ваном, предводителем полубогов ванов. Однако, кроме звукового сходства, нельзя обнаружить общее между русским Иваном и скандинавскими ванами – группой богов плодородия, которым приписывали кровосмесительные связи, колдовство и пророческий дар. Подробнее см.: Мелетинский Е.М. Ваны // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 115.

³³ Макаровъ М.Н. Еще листки изъ пробныхъ листковъ ... С. 396.

³⁴ Макаровъ М.Н. Листки изъ пробныхъ листковъ ... № 21. С. 127.

³⁵ Макаровъ М.Н. Догадки объ Исторіи Русскихъ Сказокъ // Московскій телеграфъ, издаваемый Николаемъ Полевымъ. 1830. Ч. 36. С. 161.

³⁶ Макаровъ М.Н. Листки изъ пробныхъ листковъ ... № 21. С. 118.

³⁷ Там же. С. 123.

³⁸ Макаровъ М.Н. Пробные листки для истории русских сказок // Телескопъ. 1833. Ч. 18. № 23. С. 346.

«Новый конь златокрыл»). Отношение к ним выказывается двойственное: с одной стороны, в подражаниях «повторяется многое позабытое древнее, всегда столь любезное для каждого из любителей хитрости и мудростей», с другой – есть опасность того, что из-за новых переделок можно потерять подлинные сказки, переделки «убьютъ собою всю Историю нашихъ первобытныхъ романовъ, столь важной фактъ и между фактами древнѣйшей Истории нашей и въ древней же Истории общей литературы»³⁹ (выделено в первоисточнике. – Н. Т.).

Утверждая необходимость исторического изучения русских сказок, М.Н. Макаров не только обозначает этапы их эволюции, но и указывает, что подход должен быть объективно научным. На примере «Саги об Эймунде» он демонстрирует, что даже противоречивые свидетельства различных эпох могут быть полезны для исторического исследования. В «первобытных романах» фольклористу прежде всего была важна запечатленная в них историческая атмосфера, и потому он призывает обращать внимание на описание самой местности, характера жителей, народных поверий, одежды, особенностей языка с сохранением названий древних топонимов. Народные сказания позволяют историкам полнее воссоздать эпоху; писатель справедливо заключает, что без них «наша Историческая критика никакими монастырскими выписками не будетъ в силахъ подкрѣплять себя»⁴⁰.

Во второй половине XVIII столетия, считает М.Н. Макаров, русские сказки претерпевают негативные изменения. Если раньше, в начале века, писцы стремились сохранить первоначальную точность и «грехом смертным» считали всякое убавление и прибавление, то позднее отношение к переписыванию и изданию текстов сказок меняется: допускаются сокращения, лексические правки и собственные выдумки. Исследователь положительно отзывается о собирательской деятельности Ф.П. Ключарева, К.Ф. Калайдовича, М.В. Попова и М.Д. Чулкова, которые стремились сохранить оригинальное повествование, но не может принять «Древние сказки славян древлянских» Н.И. Новикова, которые «менѣе всѣхъ другихъ принадлежатъ Русской старинѣ», поскольку их издатель, вслед за Н.М. Карамзиным, исправлял в сказках все нелитературное. Исправления лишают тексты народности

и свойственной им неповторимой и колоритной атмосферы крестьянской жизни. Будучи, по верному замечанию М.К. Азадовского, «наиболее энергичным пропагандистом изучения народного языка и ревностным собирателем диалектологических материалов»⁴¹, М.Н. Макаров видел большую пользу в изучении просторечий и местных говоров.

О необходимости сохранения оригинальных устных текстов фольклорист писал и в «Догадках об истории русских сказок», считая, что именно оригиналы «суть ближайшія къ самой ихъ первой формѣ»⁴². Исследователь не только отдает предпочтение первоисточникам, видя в них воплощение народной мудрости и правдивое бытописание, но и включает их в мировое литературное наследие. Именно славяно-русов он называет достойными преемниками лучших индийских сказочных традиций, противопоставляя им европейцев (французов, немцев, англичан, итальянцев и других), чьи сказки, равным образом унаследованные из Индии, были «поглощены владычествомъ Римлянъ» и уничтожены инквизицией.

Завершая рассуждения об истоках русских сказок, в «Последних листках...» М.Н. Макаров приводит краткий каталог наиболее известных сказочных текстов в хронологической последовательности. Древнейшими он обозначает азиатские сказки («Об Иване-царевиче, о Жарптице и Сером Волке»). В период становления Киевской Руси и правления князя Владимира появляются собственно славяно-русские сюжеты («Об Иване богатыре, крестьянском сыне», «О славном витязе Буриное»). Нашествие монголо-татар привнесло немногочисленные татарские влияния («О царевиче Мулла-му-хандиржи Ибрагимовиче и о царевне Сала-камуль»). Приблизительно в то же время, по мере переселения выходцев из «подсолнечных государств», появляются сказки, производные от турецко-арабских («О сыне волшебника и о трех талисманах»), грузинских («О весьма чудесных и прекрасных гусях-самогудах»), греческих («Притчи Эзопа»), сербских, черногорских и венгерских («О Петре, венгерском королевиче»). Наконец, «эпоха побѣдъ Донскаго чрезъ Литву и Польшу» открыла путь европейскому влиянию: итало-германскому («О Бове-королевиче», «О белой кошке»), французскому («О купцовой жене и

³⁹ Там же. С. 351.

⁴⁰ Там же. С. 352.

⁴¹ Азадовский М.К. Фольклоризм и фольклористика ... С. 286.

⁴² Макаровъ М.Н. Догадки объ Истории Русскихъ Сказокъ. С. 164.

о его работнике»), польскому («О суде Шемякине»)⁴³. М.Н. Макаров писал: «Сказки <...> смѣшивались между собою и съ *иностранными* точно также, какъ и переходившіе на Русскую землю народы»⁴⁴ (выделено в первоисточнике. – *Н. Т.*). Осуществляя систематизацию собранного материала, он руководствовался смыслом сказок, этимологией имен персонажей, сверял переводы с подлинниками.

Исследования М.Н. Макарова о происхождении русских сказок имеют чрезвычайно ценное значение для русской фольклористики, поскольку содержат богатые материалы по этнографии, истории, фольклору. Автор опубликованных в центральных московских журналах статей внимательно изучал древнюю историю славян, взаимодействие южных и северных племен, Азии и Европы. Им выделяются ключевые особенности национального сказочного сюжета, проводится этимологический анализ имен сказочных существ и персонажей, привлекаются отрывки старинных русских песен и пересказы наиболее показательных сказочных сюжетов. Осмысливая концепцию «первозданного целого», предложенную догриммовскими немецкими мифологами, Макаров предпринимает попытку сравнительного изучения фольклорного материала и обнаруживает следы азиатского и европейского влияния на славянские сказки. Подобно своим современникам (Н.А. Львову, Г.Р. Державину, А.С. Пушкину), он видел в сказке выражение народной «хитрости и мудрости», величие духа, нравственную чистоту. Русские сказки для М.Н. Макарова – неотделимая часть истории, сохранившейся в народной памяти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский, М.К. Проблема фольклора в первой четверти XIX века [Текст] // История русской фольклористики / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2014. – Гл. II. – С. 104–239.
2. Азадовский, М.К. Фольклоризм и фольклористика после 1825 года [Текст] // История русской фольклористики / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2014. – Гл. III. – С. 240–293.
3. Волкова, О.Ф. Кумбханда [Текст] // Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 297.
4. Геррес, Й. Мифология азиатского мира [Текст] // Эстетика немецких романтиков / сост., пер., вступ. ст. и коммент. А.В. Михайлова. – М. : Искусство, 1987. – Разд. II. – С. 282–284.
5. Гольденберг, А.Х. Поэтика Гоголя в пространстве мифа и ритуала [Текст] // *Studia Slavica Savariensia*. – 2009. – № 1–2. – С. 41–49.
6. Кюхельбекер, В.К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие [Текст] // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века : в 2 т. / сост., вступ. ст. и примеч. З.А. Каменского. – М. : Искусство, 1974. – Т. 2. – С. 571–575.
7. Макаровъ, М.Н. Догадки объ Исторіи Русскихъ Сказокъ [Текст] // Московскій телеграфъ, издаваемый Николаемъ Полевымъ. – 1830. – Ч. 36. – С. 157–164.
8. Макаровъ, М.Н. Еще листки изъ пробныхъ листковъ для составленія исторіи русскихъ сказокъ [Текст] // Телескопъ. – 1833. – Ч. 17, № 19. – С. 385–400.
9. Макаровъ, М.Н. Листки изъ пробныхъ листковъ для составленія исторіи русскихъ сказокъ [Текст] // Телескопъ. – 1833. – Ч. 17, № 17. – С. 123–131 ; Ч. 18, № 21. – С. 111–132.
10. Макаровъ, М.Н. Пробные листки для истории русских сказок [Текст] // Телескопъ. – 1833. – Ч. 18, № 23. – С. 343–358.
11. Макаровъ, М.Н. Послѣдніе листки для составленія Исторіи Русскихъ сказокъ [Текст] // Телескопъ. – 1833. – Ч. 18, № 24. – С. 496–508.
12. Мейлах, Б.С. Проблема современного героя [Текст] // Пушкин и его эпоха. – М. : Гослитиздат, 1958. – С. 519–645.
13. Мелетинский, Е.М. Ваны [Текст] // Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 115.
14. Надеждинъ, Н.И. Современное направленіе просвѣщенія [Текст] // Телескопъ. – 1831. – Ч. 1, № 1. – С. 1–46.
15. Остолоповъ, Н. Сказка [Текст] // Словарь древней и новой поэзіи. – СПб. : Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1821. – Ч. 3. – С. 146–196.
16. Пушкин, А.С. П.Я. Чаадаеву [Текст] // Собрание сочинений : в 10 т. / под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. – М. : Гос. изд-во художеств. лит., 1962. – Т. 10 : Письма 1831–1837. – С. 307–310.

⁴³ Подробнее см.: Макаровъ М.Н. Послѣдніе листки для составленія Исторіи Русскихъ сказокъ // Телескопъ. 1833. Ч. 18, № 24. С. 505–508.

⁴⁴ Макаровъ М.Н. Листки изъ пробныхъ листковъ ... № 21. С. 119.

17. Разживин, А.И. Философия и эстетика предромантизма [Текст] // Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика : моногр. / под ред. Т.В. Федосеевой. – Рязань : Изд-во Ряз. гос. ун-та имени С.А. Есенина, 2012. – С. 53–60.
18. Сомов, О.М. О романтической поэзии [Текст] // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века : в 2 т. / сост., вступ. ст. и примеч. З.А. Каменского. – М. : Искусство, 1974. – Т. 2. – С. 545–562.
19. Степанов, В.П. Макаров Михаил Николаевич [Текст] // Русские писатели 1800–1917 : биограф. слов. : в 5 т. – М. : Большая российская энциклопедия, 1994. – Т. 3. – С. 468–470.
20. Тиманова, О.И. Мифологические персонажи восточнославянского фольклора и особенности их воплощения в «Малороссийских былях и небылицах» О.М. Сомова [Текст] // Общество. Среда. Развитие. – 2007. – № 3. – С. 44–58.
21. Топорков, А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века [Текст]. – М. : Индрик, 1997. – 456 с.
22. Топоров, В.Н. Дану [Текст] // Мифологический словарь / гл. ред. М.Е. Мелетинский. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 174.
23. Усенко, О.В. Историографический обзор изучения славянской мифологии и древнерусского язычества российскими исследователями второй половины XVIII – начала XIX в. в контексте формирования российских научных школ [Текст] // Вестник Омского университета. – 2016. – № 1 (9). – С. 109–114.
24. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 2. – 672 с.
25. Федосеева, Т.В. Поэты львовско-державинского кружка о народной песне [Текст] // Гавриил Державин в зеркале эпох и культур / под ред. О.О. Несмеловой, А.Н. Пашкурова, А.Ф. Галимуллиной. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 57–64.
26. Федосеева, Т.В. «Русское национальное песнопение» (1809) М.Н. Макарова в контексте зарождения русской фольклористики [Текст] // Рязанский край в контексте русской литературы : очерки регионального литературоведения / под ред. А.А. Решетовой, Т.В. Федосеевой. – Рязань : Изд-во Ряз. гос. ун-та имени С.А. Есенина, 2017. – С. 92–106.
27. Шалаева, А.В. Полемика Ф. Крейцера о символике и мифологии древних народов на рубеже XIX века (конфликтологический аспект) [Текст] // Конфликтология. – 2014. – № 1. – С. 191–210.
28. Шеллинг, Ф.В.Й. Историко-критическое введение в философию мифологии [Текст] // Сочинения : в 2 т. / сост., ред. А.В. Гулыга. – М. : Мысль, 1989. – Т. 2. – С. 215–237.

REFERENCES

1. Azadovskiy, M.K. Problema fol'klora v pervoy chetverti XIX veka [Text] // Istoriya russkoy fol'kloristiki / sost. i otv. red. O.A. Platonov. – M. : In-t rus. tsivilizatsii, 2014. – Gl. II. – S. 104–239.
2. Azadovskiy, M.K. Fol'klorizm i fol'kloristika posle 1825 goda [Text] // Istoriya russkoy fol'kloristiki / sost. i otv. red. O.A. Platonov. – M. : In-t rus. tsivilizatsii, 2014. – Gl. III. – S. 240–293.
3. Volkova, O.F. Kumbhanda [Text] // Mifologicheskii slovar' / gl. red. E.M. Meletinskiy. – M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. – S. 297.
4. Gerres, J. Mifologiya aziatskogo mira [Text] // Estetika nemetskih romantikov / sost., per., vstup. st. i komment. A.V. Mihaylova. – M. : Iskusstvo, 1987. – Razd. II. – S. 282–284.
5. Gol'denberg, A.H. Poetika Gogolya v prostranstve mifa i rituala [Text] // Studia Slavica Savariensia. – 2009. – N 1–2. – S. 41–49.
6. Kyuhel'bekker, V.K. O napravlenii nashey poezii, osobenno liricheskoy, v poslednee desyatiletie [Text] // Russkie esteticheskie traktaty pervoy treti XIX veka : v 2 t. / sost., vstup. st. i primech. Z.A. Kamenskogo. – M. : Iskusstvo, 1974. – T. 2. – S. 571–575.
7. Makarov", M.N. Dogadki ob" Istorii Russkih" Skazok" [Text] // Moskovskiy telegraf", izdavaemyy Nikolaem" Polevym". – 1830. – Ch. 36. – S. 157–164.
8. Makarov", M.N. Eshche listki iz" probnyh" listkov" dlya sostavleniya istorii russkih" skazok" [Text] // Teleskop". – 1833. – ch. 17, N 19. – S. 385–400.
9. Makarov", M.N. Listki iz" probnyh" listkov" dlya sostavleniya istorii russkih" skazok" [Text] // Teleskop". – 1833. – Ch. 17, N 17. – S. 123–131 ; Ch. 18, N 21. – S. 111–132.
10. Makarov", M.N. Probnye listki dlya istorii russkih skazok [Text] // Teleskop". – 1833. – Ch. 18, N 23. – S. 343–358.
11. Makarov", M.N. Posl'dnie listki dlya sostavleniya Istorii Russkih" skazok" [Text] // Teleskop". – 1833. – Ch. 18, N 24. – S. 496–508.
12. Mejlah, B.S. Problema sovremennogo geroya [Text] // Pushkin i ego epoha. – M. : Goslitizdat, 1958. – S. 519–645.
13. Meletinskiy, E.M. Vany [Text] // Mifologicheskii slovar' / gl. red. E.M. Meletinskiy. – M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. – S. 115.

14. Nadezhdin", N.I. Sovremennoe napravlenie prosvěshcheniya [Text] // Teleskop". – 1831. – Ch. 1, N 1. – S. 1–46.
15. Ostolopov", N. Skazka [Text] // Slovar' drevney i novoy poezii. – SPb. : V" tipografii Imperatorskoy Rossiyskoy Akademii, 1821. – Ch. 3. – S. 146–196.
16. Pushkin, A.S. P.Ya. Chaadaevu [Text] // Sobranie sochineniy : v 10 t. / pod obshch. red. D.D. Blagogo, S.M. Bondi, V.V. Vinogradova, Yu.G. Oksmana. – M. : Gos. izd-vo hudozhestv. lit., 1962. – T. 10 : Pis'ma 1831–1837. – S. 307–310.
17. Razzhivin, A.I. Filosofiya i estetika predromantizma [Text] // Literatura russkogo predromantizma: mirovozzrenie, estetika, poetika : monogr. / pod red. T.V. Fedoseevoy. – Ryazan' : Izd-vo Ryaz. gos. un-ta imeni S.A. Esenina, 2012. – S. 53–60.
18. Somov, O.M. O romanticheskoy poezii [Text] // Russkie esteticheskie traktaty pervoy treti XIX veka : v 2 t. / sost., vstup. st. i primech. Z.A. Kamenskogo. – M. : Iskustvo, 1974. – T. 2. – S. 545–562.
19. Stepanov, V.P. Makarov Mihail Nikolaevich [Text] // Russkie pisateli 1800–1917 : biograf. slov. : v 5 t. – M. : Bol'shaya rossiyskaya enciklopediya, 1994. – T. 3. – S. 468–470.
20. Timanova, O.I. Mifologicheskie personazhi vostochnoslavjanskogo fol'klora i osobennosti ih voploshcheniya v "Malorossiyskih bylyah i nebylitsah" O.M. Somova [Text] // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. – 2007. – N 3. – S. 44–58.
21. Toporkov, A.L. Teoriya mifa v russkoy filologicheskoy nauke XIX veka [Text]. – M. : Indrik, 1997. – 456 s.
22. Toporov, V.N. Danu [Text] // Mifologicheskij slovar' / gl. red. M.E. Meletinskiy. – M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. – S. 174.
23. Usenko, O.V. Istoriograficheskiy obzor izucheniya slavyanskoy mifologii i drevnerusskogo yazychestva rossiyskimi issledovatelyami vtoroy poloviny XVIII – nachala XIX v. v kontekste formirovaniya rossiyskikh nauchnykh shkol [Text] // Vestnik Omskogo universiteta. – 2016. – N 1 (9). – S. 109–114.
24. Fasmer, M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Text] : v 4 t. / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. – M. : Progress, 1986. – T. 2. – 672 s.
25. Fedoseeva, T.V. Poety l'vovsko-derzhavinskogo kruzhka o narodnoy pesne [Text] // Gavriil Derzhavin v zerkale epoh i kul'tur / pod red. O.O. Nesmelovoy, A.N. Pashkurova, A.F. Galimullinoy. – Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 2016. – S. 57–64.
26. Fedoseeva, T.V. "Russkoe natsional'noe pesnopenie" (1809) M.N. Makarova v kontekste zarozhdeniya russkoy fol'kloristiki [Text] // Ryazanskiy kray v kontekste russkoy literatury : ocherki regional'nogo literaturovedeniya / pod red. A.A. Reshetovoy, T.V. Fedoseevoy. – Ryazan' : Izd-vo Ryaz. gos. un-ta imeni S.A. Esenina, 2017. – S. 92–106.
27. Shalaeva, A.V. Polemika F. Kreytsera o simvolike i mifologii drevnih narodov na rubezhe XIX veka (konfliktologicheskij aspekt) [Text] // Konfliktologiya. – 2014. – N 1. – S. 191–210.
28. Shelling, F.V.J. Istoriko-kriticheskoe vvedenie v filosofiyu mifologii [Text] // Sochineniya : v 2 t. / sost., red. A.V. Gulyga. – M. : Mysl', 1989. – T. 2. – S. 215–237.

N.I. Tangaeva

M.N. MAKAROV ON THE EVOLUTION OF RUSSIAN FOLK TALES (BASED ON PRINTED MATERIALS OF 1830–1833)

The article treats a Ryazan novelist and ethnographer M.N. Makarov's research of Russian folklore. M.N. Makarov (1785–1847) conducted his research of Russian folklore in the early 19th century when Russia witnessed growth of national self-awareness, when people were interested in Russian history and Russian folklore as a reflection of a distinctive national spirit. M.N. Makarov was one of the first to collect, classify and comment on Russian folklore and oral traditions. In 1830–1833 Russian magazines *Moscow Telegraph* (1830) and *Telescope* (1833) published a number of articles written by M.N. Makarov and devoted to the evolution of Russian folk tales. The Russian student of folklore, who relied on the methodology used by pre-Grimm folk researchers, plunged into a comparative analysis of Russian folk tales, comparing Slavic folk plots with Indian ones. Comparing the etymology of Slavic and Sanskrit vocabulary, M.N. Makarov proved that in their evolution Russian folk tales experienced both Asian and European influence. M.N. Makarov maintained that folk tales reflected both the national spirit and the national history. Following the traditions of the Lvov-Derzhavin circle, M.N. Makarov treated Russian folk culture as a part of the Russian literary heritage. The analysis of M.N. Makarov's research allows us to see the evolution of Russian folklore through the prism of literary traditions of the Pushkin era.

pre-Grimm mythology, the Lvov-Derzhavin Circle, M.N. Makarov, Moscow Telegraph, folk tales, national self-awareness, Pushkin era, Russian folklore research, comparative method, Telescope.